

ПЛАНИРОВКА И АРХИТЕКТУРА РАБОЧИХ ПОСЕЛКОВ ПРИ ПРЕДПРИЯТИЯХ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА 1930-х гг. (на примере КРАСНОКАМСКА)

Зыкин Иван Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин,
Технологический институт – филиал,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
Россия, Верхотурье, e-mail: zivverh@mail.ru

УДК: 908; 72(036)

ББК: 85.113(2)

АННОТАЦИЯ

Наследием многих городов и рабочих поселков России, в том числе связанных с лесной промышленностью, являются новации в расселении, промышленном и гражданском строительстве, реализованные в 1930-х гг. Выявлены основные тенденции формирования поселенческой сети в лесной отрасли. Проведено сравнение особенностей и качества застройки в городских и сельских поселениях при предприятиях лесной промышленности. На примере города Краснокамска Пермского края рассмотрены проектирование и освоение территории в контексте воплощения концепции «социалистического города» и промышленного строительства. Сделаны выводы о наличии существенных недостатков в проектах поселений, сложности их реализации ввиду хаотичной застройки, осуществлявшейся различными хозяйственными организациями в собственных интересах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

лесопромышленный комплекс, модернизация, жилищная проблема, соцгород, рабочий поселок, Краснокамск

Введение

Современные процессы в рабочих поселках и городах, возникших при предприятиях лесопромышленного комплекса в 1930-х гг. (депрессивная моноотраслевая структура экономики, ухудшение состояния и разрушение застройки, снижение численности населения и другие), являются отражением экспериментов в сферах промышленного строительства и градообразования. Поселенческая сеть активно формировалась в районах лесоэксплуатации на этапе модернизационных преобразований, что было вызвано политикой Советского Союза, направленной на освоение северных и восточных территорий страны. Формировались и параллельно друг другу развивались три структурных компонента: поселки для «вольнонаемных» рабочих, спецпоселения и исправительно-трудовые лагеря для различных категорий «спецконтингента».

В связи с этим активизируется внимание ученых к рассмотрению и анализу проблем формирования поселенческой сети, строительства предприятий и населенных пунктов, их архитектурного облика и инфраструктуры, реализации планов застройки территорий в переломную эпоху. В Советском Союзе изучение этих направлений сковывалось политическими и идеологическими барьерами, хотя жилищно-коммунальная тема стабильно присутствовала в повестке прессы и партийно-государственных органов всех уровней. С 1990-х гг. открытие архивов и

необходимость исследования исторического опыта расселения, промышленного, гражданского строительства, определения путей развития городов и рабочих поселков, в том числе связанных с лесной промышленностью, стимулировали интерес ученых. С одной стороны, изучалась система спецпоселений, оказавшая значимое влияние на развитие отрасли [2, 3, 5, 7, 8, 10, 14], с другой – строительство городских поселений в рамках концепции «социалистического города». В качестве концептуальных трудов, посвященных проблемам реализации советской политики районирования, расселения и формирования сети населенных пунктов, использованы работы М.Г. Мееровича, Л.Н. Мазур, В.М. Кириллова [12, 15, 16, 17].

Появляются региональные и локальные исследования. В 2013 г. в городе Краснокамске Пермского края, одном из центров лесопромышленного комплекса, прошла Всероссийская конференция «Архитектурное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс для развития?». Л.А. Обухов [19] рассмотрел особенности и проблемы возведения Вишерского и Камского целлюлозно-бумажных комбинатов и поселений при них. К.А. Остальцев [20] уделил внимание вопросам проектирования и строительства рабочего поселка Вишерского комбината, будущего города Красновишерска как примера «социалистического города». О.Д. Гайсин [6] изучил специфику проектирования города Краснокамска, развитие которого зависело как от деятельности хозяйственных организаций, так от внешних факторов (открытие запасов нефти, образование водохранилища). Согласно исследованиям ученых, общим для городов Красновишерска и Краснокамска стало то, что они многократно проектировались, но их застройка в итоге не укладывалась в рамки концепции «социалистического города». Несомненным достоинством сборника является включение исторического источника – проекта планировки и строительства будущего города Краснокамска архитектора П.Б. Мурашко (1934 г.)¹.

Л.И. Вавулинская [4] и С.Н. Филимончик [23] рассмотрели особенности развития рабочего поселка: с 1938 г. города Кондопоги (республика Карелия), где функционировал целлюлозно-бумажный комбинат. Исследователи уделили особое внимание характеристике руководителей предприятия, формированию жилищной, социально-бытовой инфраструктуры и культурной жизни рабочего поселка, затем города. Проблемы производственного и жилищно-бытового строительства в лесопромышленном комплексе республики Коми нашли отражение в монографии А.Н. Турубанова, посвященной истории строительного комплекса региона [22]. Формированию жилищно-бытовой инфраструктуры рабочих поселков при предприятиях лесной отрасли Уральского региона в 1930-х гг. посвящены публикации автора [7, 9].

В отмеченных региональных и локальных исследованиях вопросы строительства рассматриваются вне реализовывавшейся государственной политики расселения и освоения новых территорий, влияния на жилую застройку промышленных производств. Поэтому комплексное исследование, осмысление исторического опыта формирования поселенческой сети в лесопромышленном комплексе позволят выявить ключевые тенденции, положительные моменты и проблемы апробированных в период «социалистической индустриализации» моделей и принципов расселения и застройки. Проблемы проектирования и строительства исследуются на примере города Краснокамска в рамках реализации концепции «социалистического города» и возведения предприятий по глубокой переработке древесины, ставших градообразующими.

Основные тренды формирования поселений в лесной отрасли

В конце 1920-х – начале 1940-х гг. апробировались концепции организации пространств населенных пунктов. Новые архитектурно-планировочные принципы проявили себя в разной степени при строительстве поселений независимо от отрасли. В сфере заготовки лесных ресурсов в населенных пунктах закладывался регулярный характер застройки (дома на несколько хозяев,

бараки с обязательным выделением пространства между улицами под огороды, создание площади с комплексом социально-бытовых учреждений). Те же принципы реализовывались в рабочих поселках при мелких и средних предприятиях по механической обработке древесины.

Рядом с крупными объектами лесопильно-деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной отраслей формировались поселки городского типа, города. Архитектурно-планировочные решения этих населенных пунктов имели основой концепцию «социалистического города». Реализации данного варианта формирования застройки сопутствовал ряд важных изменений политического, социокультурного и бытового характера: прикрепление людей к месту работы, проектирование и строительство «городов-ансамблей» с ориентацией на индивидуальные жилища разного качества (дома-коммуны, здания с отдельными квартирами с коммунальным обслуживанием, коттеджи, бараки, общежития). Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 января 1934 г. «Об устройстве населенных мест РСФСР», уточнившее нормативный акт ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1933 г. в сфере планировки и реконструкции населенных пунктов, утверждало ключевой планировочной единицей застройки «квартал», с сосредоточением внутри него социально-бытовой инфраструктуры [17, с. 106]. Строились отдельные кварталы, состоявшие из деревянных и каменных многоквартирных домов высотой от двух до пяти этажей, в том числе с элементами благоустройства. За исключением лесозаготовительных поселков, которые не располагались рядом с производственными участками, предприятия по механической обработке и глубокой переработке лесных ресурсов и поселения представляли единый организм, хотя в нем жилая застройка являлась, по сути, приложением к заводу для его более эффективного функционирования. По мнению В.М. Кириллова, «соцгород виделся как единое территориальное образование, состоящее из градообразующего предприятия и поселения работающих на нем людей, которые заняты общественно-полезным трудом» [12, с. 356]. Побочным эффектом воплощения концепции «социалистического города» стало «строительство промышленных предприятий без предварительной планировки и увязки с будущими районами, из-за чего комплекс промышленной зоны оказался внутри городской черты» [12, с. 357]. На эту проблему указывал и М.Г. Меерович [17, с. 101–102, 103, 105, 106].

В конце 1920-х гг., как указывалось в официальных документах, новые стройки в отрасли намечались исходя из двух предпосылок: обеспеченности производства сырьем (притом там, где освоение лесных баз и транспортировка ресурсов и продукции не требовали существенных вложений) и комбинирования производства для комплексной переработки ресурсов. В этом отношении планировалось строить комбинированные предприятия (сочетавшие механическую обработку и глубокую переработку древесины) в Северо-Восточном и Северо-Западном районах, на Урале и в Дальневосточном крае. Заводы по механической обработке древесины должны были появиться в Среднем Поволжье, на Северном Кавказе, в Украинской, Белорусской, Закавказской республиках².

Краснокамск как пример планировки и архитектуры рабочих поселков

Возведение Камского целлюлозно-бумажного комбината было утверждено ВСНХ СССР в июле 1929 г. Строительные работы начались с лета 1930 г. на площадке на правом берегу реки Камы, несколько ниже по ее течению от Перми. Логика проектировщиков исходила из создания в этом районе комплекса взаимосвязанных предприятий по глубокой переработке древесины (целлюлозно-бумажного комбината с подсобными предприятиями, бумажной фабрики, спиртового завода и завода дубильных экстрактов) и инфраструктуры (теплоэлектроцентрали, торфоразработок, железнодорожной ветки до ближайшей станции основного пути) [6, с. 102–103]. Первая очередь комбината вступила в строй только в феврале 1936 г. Рядом с ним

во второй половине 1930-х гг. была построена Краснокамская бумажная фабрика «Гознак» для производства бумаги высокого качества.

Рабочий поселок строившегося Камского целлюлозно-бумажного комбината проектировался как структурный компонент городского поселения на запад от города Перми. При этом и сам населенный пункт не был единым организмом, так как жилая застройка осуществлялась в районах возведения целлюлозно-бумажного комбината, бумажной фабрики и теплоэлектроцентрали. Бригада Уральского областного коммунального хозяйства, направленная в конце февраля 1933 г. областным исполнительным комитетом в рабочий поселок, указывала в отчете, что управление строительства начало возведение жилых зданий без согласованного проекта, без изучения физико-географических особенностей территории [6, с. 106].

С учетом всех замечаний и нормативных правовых актов, принимавшихся государственными органами в 1933–1934 гг., началось проектирование планировки поселка Краснокамска. В июне 1933 г. на должность старшего архитектора Управления строительства Камского целлюлозно-бумажного комбината был приглашен П.Б. Мурашко. Он отмечал, что поселок к 1934 г. имел до десяти проектов планировки, однако проект, утвержденный ВСНХ, имел существенные недостатки: неудачное расположение социальных учреждений относительно вредных выбросов предприятий, нерешенность вопросов организации коммунальной инфраструктуры, сброс производственных стоков в реку Каму в районе зоны отдыха. По плану застройки центрами, определяющими направление улиц и архитектуру строений, становились дворец культуры, железнодорожный вокзал, теплоэлектроцентраль, площадь Совета, связанные проспектами. Основная часть поселка делилась на восемь кварталов с организацией социально-бытовых учреждений. Внутри кварталов сохранялись лесные насаждения, проводилось комплексное благоустройство. Помимо этого, планировалось создание нескольких парковых зон около предприятий и главных улиц. К примеру, на берегу реки Камы располагался парк культуры и отдыха с театром, клубом и физкультурным домом, пляжем, водной станцией, купальнями, пристанями. Рядом находились спортивные площадки и стадионы. Проектировался поселок малоэтажной застройки с благоустроенными домами и комплексом социально-бытовых учреждений, связанный с основным поселением общественным транспортом. Разрабатывались проекты хлебозавода, магазинов, больниц, поликлиник³.

Тем не менее проект архитектора П.Б. Мурашко имел существенные недостатки в планировании территории. Жилая зона примыкала к промышленным предприятиям, располагавшимся у реки, в связи с чем не могли быть решены вопросы организации нормальной работы коммунального хозяйства. Застройка рабочего поселка плохо согласовывалась с множеством проектов планировки и интересами хозяйственных организаций. Первоочередными задачами в области жилищного и социально-бытового строительства для строившихся предприятий было обеспечение работников жилой площадью, пусть в минимальных объемах и низкого качества, и необходимыми социально-бытовыми учреждениями. Поэтому производства «обрастали» деревянной, в основном барачной, застройкой (это касалось и большей части учреждений). Здания в каменном исполнении были представлены единицами. Негативно сказывался на осуществлении плана застройки дефицит финансовых средств, трудовых ресурсов, которые в первую очередь использовались на строительномонтажных работах на предприятиях⁴.

В 1933 г. в рабочем поселке была открыта школа, расширена больница. Проводились работы по обеспечению пожарной безопасности (строительство пожарных складов, подъездов к водоемам), освещению дорог и жилых домов, переселению рабочих из социально-бытовых учреждений в бараки⁵. Качество жилья было низким. В 1933 г. после ремонта бараков рабочие покидали жилье, ссылаясь на безобразные условия проживания. У теплоэлектроцентрали, 37-й столовой, состояние бараков и территории возле них было неудовлетворительным. Не-

смотря на наличие помойных ям, помои выливались на улицу. Начальник строительства Горячев обязал комендантов осуществлять контроль за чистотой территории, составлять акты для привлечения нарушителей к ответственности⁶.

Для спецпереселенцев, занятых на строительстве целлюлозно-бумажного комбината, бумажной фабрики и теплоэлектроцентрали, организовали три спецпоселка, в бараках которых отмечались скученность, наличие насекомых, необеспеченность жилой площадью (1,3 м² на человека). Состояние бараков для завербованных рабочих было таким же удручающим. В январе 1934 г. секретарь партийного комитета Камского ЦБК М.П. Матвеев говорил: «...Мы строим социалистические города, возводим гиганты промышленности, а у нас в бараках холодно, грязно... люди пьют снег... нет освещения... Мы строим дворцы-бараки, а вокруг этих бараков нет уборных, и рабочий не знает, куда ему ходить по естественной надобности...» [19, с. 45, 46]. Получалось, что в поселении, где возводились крупные производственные объекты союзного значения, жители проживали в деревянных постройках: бараках и полужемлянках. В 1935 г. из полужемляных бараков были переселены в бараки 55 семей трудпоселенцев и 17 семей «вольнорабочих» работников. В восьми полужемляных строениях оставались 310 семей (1064 человека, 626 из которых трудились на возведении предприятия). Помощник начальника строительства Б. Буренин и поселковый комендант Новиков предлагали для расселения людей в августе завершить сооружение 41 двухквартирного дома, занять ряд других бараков, построить два восьмиквартирных дома⁷. В 1934 г., в соответствии с генеральным планом, в поселке началось строительство «дома-гиганта» на 205 квартир. Имелись милиция, больница, водная станция, дома техники и кино, три школы, вечерний техникум, детский сад, ясли, две столовые. В 1935 г. планировалось построить открытую сцену, по две теннисных и волейбольных площадки, танцевальную, баскетбольную и крокетную площадки, уборную, площадку для городков. В 1936 г. были построены детский дом, школа на 1000 мест⁸.

В период массовых репрессий 1937–1938 гг. ошибки, допущенные при проектировании и строительстве предприятий и рабочего поселка в Краснокамске, стали причиной арестов руководящих работников. Инженер Камского целлюлозно-бумажного комбината В.А. Соколов на допросе в прокуратуре в городе Перми 29 ноября 1937 г. по делу «создания правотроцкистской организации и вредительства» на предприятии, описывая состояние производства в 1934 г., когда заступил на должность, указывал на нерациональное планирование территории промышленной и селитебной зон. Предприятия (целлюлозно-бумажный комбинат, бумажная фабрика «Гознак», теплоэлектроцентраль) располагались у реки Камы, а поселок оказался «отодвинут вглубь», что не позволяло соорудить качественную канализацию и предотвратить сток сточных вод в реку. При этом Соколов видел источником проблем (при строительстве комбината) установки партийно-государственных органов на скорейший пуск объекта в условиях дефицита материально-финансовых ресурсов⁹.

Поселок, активно и хаотично застраивавшийся разными хозяйственными организациями, не укладывался в проектную планировку. Ситуация осложнилась еще и тем, что в 1934 г. в районе строительства Камского целлюлозно-бумажного комбината была обнаружена нефть. Это поставило под сомнение развитие города, поскольку, согласно постановлению СНК и ЦК ВКП(б) № 2089 от 29 ноября 1937 г., территория будущего города целиком вошла в состав нефтеносных земель треста «Прикамнефть», и любое строительство, за исключением разработки нефтяного месторождения, было запрещено [6, с. 109]. Краснокамск к моменту официального пуска предприятия в 1936 г. обрел черты городского поселения, имел развитую социально-бытовую инфраструктуру. Однако затем темпы развития поселка снизились. Шульгин, главный инженер «Главцеллюлозы» вышестоящей инстанции над Камским комбинатом, на совещании у народного комиссара лесной промышленности СССР в апреле 1939 г. жаловался, что комбинату,

помимо запрета на строительства жилья в нефтеносной зоне, не позволяли осуществлять ремонт имевшихся построек¹⁰.

26 июня 1940 г. постановлением СНК СССР № 1103 для строительства Краснокамска была утверждена Нижне-Курьинская площадка (в 20 км от Камского целлюлозно-бумажного комбината). Проектная численность населения устанавливалась около 150 тыс. человек. Однако необходимо было решать проблему расселения жильцов бараков в районе действовавших предприятий. В связи с этим было предложено завершить отделку каменного дома на 205 квартир и двух домов по 55 квартир (пилонов), достроить возведенный до четвертого этажа пятиэтажный жилой дом на 48 квартир [6, с. 109, 110]. Для упорядочения застройки города Краснокамска (19 каменных жилых зданий и большое число бревенчатых, брусчатых и каркасно-засыпных зданий барачного типа) Ленинградский институт проектирования городов в 1939 г. составил проект планировки. По нему к 1944 г. предполагалось ликвидировать временное жилье, а население расселить в капитальных строениях и на Нижне-Курьинской площадке. Однако строительство нового города так и не было начато (эта территория в 1941 г. вошла в состав города Молотова), а поселки при предприятиях продолжали развиваться без учета требований проекта. Только в 1945 г. в связи с изменением технологии добычи нефти на территории Краснокамска, который на тот момент представлял конгломерат из 17 отдельных поселков, было разрешено новое строительство [6, с. 110–113].

Получалось, что Краснокамск, а также другие населенные пункты при крупных предприятиях по механической обработке и глубокой переработке древесины, несмотря на обретение статуса города, комплекса административных и социально-бытовых учреждений, оставались, если судить по внешнему облику, сельскими поселениями. Формирование многоэтажной застройки, городской уличной и коммунальной инфраструктуры только начиналось.

Лесозаготовительные поселки

Сравним особенности и качество застройки в городских и сельских поселениях при предприятиях лесопромышленного комплекса. Жилищная и социально-бытовая инфраструктура лесозаготовительных трестов была разбросана по различным населенным пунктам. На основании данных по трем регионам на начало 1930-х гг. (автономные республики Карелия¹¹ и Коми [22, с. 22, 73], Коми-Пермяцкий автономный округ [13, с. 133]) можно сделать вывод о дефиците жилых объектов и социально-бытовых учреждений в Карелии и Коми, результаты лесопромышленной деятельности которых были выше, чем в Коми-Пермяцком округе. Значит, выделявшиеся финансовые средства либо незначительно отличались по территориям, либо неудовлетворительно осваивались, обостряя проблему обустройства и обслуживания рабочих.

Поскольку качество строительства, как правило, было невысоким, в начале каждого сезона заготовки лесных ресурсов всегда вставала задача поддержания в приемлемом для проживания и пользования состоянии объектов инфраструктуры. Строительство и ремонты жилья и социально-бытовых зданий становились неотъемлемой частью работы трестов и предприятий. Бараки из-за некачественного строительства и материалов, размещения на заболоченных участках в течение нескольких лет становились непригодными для проживания. К 1937 г. тресты «Южкареллес» и «Севкареллес», обладая жилыми помещениями площадью 110 тыс. м², не могли даже обеспечить постоянных рабочих в количестве 11600, тогда как для круглогодичной работы требовалось 38 тыс. человек [11, с. 71]. В лесозаготовительных поселках преобладала деревянная застройка без какой-либо коммунальной инфраструктуры, жилищные условия в них были тяжелыми. В осваивавшихся районах, даже несмотря на специальные кампании по обеспечению предприятий трудовыми ресурсами, рабочим предоставлялось жилье неудовлет-

ворительного качества. В частности, в начале 1937 г. в Челутаевский ЛПХ Бурят-Монгольской автономной республики прибывшим на работу трактористам предоставили грязный барак без бытовых удобств [18, с. 33].

Периодически партийно-государственные органы издавали нормативные документы о необходимости строительства жилья и социально-бытовых объектов в рабочих поселках при предприятиях лесопромышленного комплекса. В конце 1930-х гг. важную роль сыграло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об улучшении работы лесозаготовительной промышленности СССР» от 15 ноября 1938 г. Согласно нему, на четвертый квартал 1938 г. был запланирован ввод жилья: по «Главсевлесу» Наркомлеса СССР – 32 тыс. м², по «Главсевзаплесу» – 37 тыс. м², по «Главвостлесу» – 29 тыс. м², по «Главзапсиблесу» – 21 тыс. м², по «Главвостсибдальлесу» – 38 тыс. м², по Наркомлесу РСФСР – 18 тыс. м², по центральному отделу лесной промышленности Народного комиссариата путей сообщения – 13 тыс. м², по Главному управлению лесной промышленности Народного комиссариата тяжелой промышленности – 40 тыс. м² ¹².

В исправительно-трудовых лагерях жилые зоны находились в неудовлетворительном состоянии. Хотя в конце 1930-х гг., на этапе создания лагерных комплексов, на жилищно-бытовое, административное, складское строительство выделялись существенные средства. Однако большая часть застройки была представлена бараками и только небольшая доля – капитальными домами для руководства и «вольнонаемного» состава. Так, в 1938–1940 гг. Северо-Уральский исправительно-трудовой лагерь, помимо возведения жилья, построил большое количество административных зданий, почти 36 тыс. м² складов, клуб в городе Ирбите, в октябре 1940 г. начал сооружение пионерского лагеря рядом с этим же городом [21, с. 35]. О каком-либо благоустройстве в 1930-х гг. речи не велось, а у заключенных не формировалось хозяйское отношение к жилым помещениям, улучшению быта. К примеру, в Вятском исправительно-трудовом лагере (приказ по управлению лагеря от 20 января 1939 г.) «...в бараках и палатках нет должной чистоты, полы грязные, печи ободранные, под нарами постоянно хранятся дрова, у выходов и на дверях грязные наледица, а вокруг барачных и палаточных целые поля желтой наледицы, образовавшейся от испражнений заключенных...» [1, с. 35–37].

Заключение

Таким образом, в 1930-х гг. в лесопромышленном комплексе появились поселения, при строительстве которых применялись новые для того периода архитектурно-планировочные решения. На начальном этапе застройки имело место многократное проектирование территории. Но даже финальные версии планов сочетали детальную проработку жилой зоны и значимые недостатки, присущие концепции «социалистического города», когда селитебная зона примыкала к промышленным предприятиям. Это порождало проблемы рационального освоения территории, организации рекреационных зон, загрязнения окружающей среды. В рабочих поселках, где возводились средние и крупные предприятия и функционировали несколько организаций, реализация планов тормозилась дефицитом финансовых и трудовых ресурсов, хаотичной застройкой, в основном барачной, для обеспечения потребностей рабочих и их семей в жилье, пусть невысокого качества и без коммунального обслуживания. «Ядро» поселения, осваивавшееся основным производством, обрастало мелкими поселками, примыкавшими к малым и средним предприятиям и подсобным организациям. Лесозаготовительные предприятия, которые располагались вдали от транспортных коммуникаций, других сельских и городских населенных пунктов, часто не уделяли должного внимания жилищным проблемам ввиду использования принудительного труда и постоянного перемещения производств от освоенного лесного массива к новому.

В 1930-х гг. рабочие поселки преобразовывались в городские поселения (например, Красновишерск, Краснокамск, Сегежа, Кондопога) или входили в состав крупных городов на правах микрорайонов (в случае с Архангельском, Соликамском). Однако в период «социалистической индустриализации» городские населенные пункты могли «похвастаться» только несколькими капитальными жилыми и социальными зданиями, остальная застройка имела деревянное исполнение и представляла в основном жилье временного типа. Создать привлекательные и комфортные жилищные условия для рабочих большинство предприятий лесопромышленного комплекса Советского Союза в 1930-х гг. не смогло.

Примечания

¹ Мурашко, П.Б. Социалистический Краснокамск. Проект планировки и строительства // «Краснокамск: интеграция в будущее»: мат-лы всерос. конф. «Архитектурное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс развития?» 27–28 ноября 2013 г. – Пермь, 2013.

² Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. 3-е изд. – URL: <http://istmat.info/node/41321> (дата обращения: 11.06.2019).

³ Мурашко, П.Б. Социалистический Краснокамск. Проект планировки и строительства // «Краснокамск: интеграция в будущее»: мат-лы. всерос. конф. «Архитектурное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс развития?» 27–28 ноября 2013 г. – Пермь, 2013. – С. 129, 130, 131, 132, 133–134, 137–138.

⁴ См. н-р: Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 1. Л. 119, 142.

⁵ Там же. Л. 118, 124, 139–140.

⁶ Там же. Л. 145, 188.

⁷ Там же. Д. 3. Л. 180.

⁸ Там же. Д. 2. Л. 257; Д. 3. Л. 13, 93; Д. 4. Л. 174, 216.

⁹ Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980 гг.: сб. док. и мат. – Пермь, 2004. – С. 255–256.

¹⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7637. Оп. 1. Д. 136. Л. 26.

¹¹ Советская лесная экономика. Москва-Север. 1917–1941 гг.: сб. док. и мат. / Сост. В. Г. Макуров, А. Т. Филатова. – Петрозаводск, 2005. – С. 215.

¹² Там же. С. 326, 328.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бердинских, В.А. История одного лагеря (Вятлаг) / В.А. Бердинских. – М. : Аграф, 2001. – 432 с.
2. Бердинских, В.А. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов / В.А. Бердинских, И.В. Бердинских, В.И. Веремьев; Науч. ред. И.Л. Жеребцов. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. – 244 с.
3. Бердинских, И.В. Особенности формирования инфраструктуры системы спецпоселений в СССР в 1931–1940-х гг.: дис. ... канд. ист. наук / И. В. Бердинских; Вятский гос. гуманитар. ун-т. – Киров, 2007. – 228 с.
4. Вавулинская, Л.И. Социально-экономические аспекты развития провинциального города в 1920–60-е гг. (на материалах г. Кондопога, Республика Карелия) // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности: сб. науч. ст.: мат-лы VIII Междунар. Стахеевских чтений, Елабуга, 16–17 ноября 2017 г. / Сост. И.В. Маслова, И. Е. Крапоткина Г. В. Бурдина. – Елабуга, 2017. – С. 40–44.
5. Виола, Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений / Пер. с англ. Е. Осокиной. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 335 с.

6. Гайсин, О.Д. Опыт проектирования соцгорода Краснокамска (1930–1950-е годы) / О.Д. Гайсин // «Краснокамск: интеграция в будущее»: мат.-лы. всерос. конф. «Архитектурное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс развития?» (27–28 ноября 2013). – Пермь: Литер-А, 2013. – С. 102–123.
7. Зыкин, И.В. «Зеленое золото» индустриализации. Лесопромышленный комплекс Уральского региона в конце 1929 г. – первой половине 1941 г. / И.В. Зыкин; Нижнетагильский гос. соц.-пед. ин-т (ф-л) Российского гос. проф.-пед. ун-та. – Нижний Тагил, 2015. – 140 с.
8. Зыкин, И.В. Особенности размещения, планировки и застройки спецпоселков при предприятиях лесопромышленного комплекса Уральского региона / И.В. Зыкин // Архитектон: известия вузов. – 2013. – № 3 (43). – URL: http://archvuz.ru/2013_3/14.
9. Зыкин, И.В. Формирование жилищно-бытовой инфраструктуры рабочих поселков при предприятиях лесопромышленного комплекса Уральского региона в 1930-х гг. / И.В. Зыкин // Архитектон: известия вузов. – 2013. – № 4 (44). – URL: http://archvuz.ru/2013_4/15.
10. Игнатова, Н.М. Спецпереселенцы в 30–50-е годы XX века: На материалах Коми АССР: дис. ... канд. ист. наук / Н. М. Игнатова. – Сыктывкар, 2001. – 205 с.
11. Килин, Ю.М. Пограничная окраина великой державы: Советская Карелия в 1923–1938 гг. / Ю.М. Килин. – Электрон. дан. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. – 143 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-R).
12. Кириллов, В.М. Формирование концепта «соцгород» и идентичность его строителей (на материале Нижнего Тагила 1920–1930-х гг.) / В.М. Кириллов // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Мазур; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. фед. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 354–363.
13. Коми-Пермяцкий округ: век XX. – Пермь: ООО «Научно-исследовательская издательская фирма «Горт», 2001. – 248 с.
14. Мазур, Л.Н. Край ссылки: особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930–1950-е гг. / Л.Н. Мазур // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2002. – С. 176–208.
15. Мазур, Л. Н. Сельское расселение на Среднем Урале в XX веке: направления и варианты трансформации поселенческой сети: дис. ... докт. ист. наук / Л. Н. Мазур. – Екатеринбург, 2006. – 475 с.
16. Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 гг.) / М. Г. Меерович. – М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 303 с.
17. Меерович, М.Г. Районная планировка в контексте программы индустриализации: первая половина 1930-х годов – начальный этап работ по промышленному районированию и расселению / М.Г. Меерович // Вестник Пермского университета. История. – 2014. – Вып. 2 (25). – С. 101–122.
18. Новолодская, М.С. Жилищное обеспечение работников Челутаевского ЛПХ в 30-е гг. XX в. / М.С. Новолодская // Сибирь и Россия: освоение, развитие, перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию кафедры истории Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова / ФГОУ ВПО БГСХА им. В. Р. Филиппова. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2009. – С. 32–34.
19. Обухов, Л.А. Первостроители соцгородов / Л.А. Обухов // «Краснокамск: интеграция в будущее». Мат. всерос. конф. «Архитектурное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс развития?» (27–28 ноября 2013). – Пермь: Литер-А, 2013. – С. 36–49.
20. Остальцев, К.А. Красновишерск: город-лагерь и город-сад. Проекты и реальность / К.А. Остальцев // Краснокамск: интеграция в будущее: мат.-лы всерос. конф. «Архитектур-

ное наследие соцгородов: бремя прошлого или ресурс развития?» (27–28 ноября 2013). – Пермь: Литер-А, 2013. – С. 49–56.

21. Пажит, Ю.Ю. Северо-Уральский лагерь НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны / Ю.Ю. Пажит// ВоенКом: Военный комментатор. – 2002. – № 2 (4). – С. 31–43.
22. Турубанов, А. Н. Строительный комплекс Республики Коми в XX веке: монография / Отв. ред. В. И. Коротаяев. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012. – 267 с.
23. Филимончик, С. Н. Кондопога в 1930-е годы: рождение города / С.Н. Филимончик// Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 7 (176). – С. 80–90. – DOI: 10.15393/uchz.art.2018.233.

Статья поступила в редакцию 20.06.2019

Лицензия Creative Commons

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция – На тех же условиях») 4.0 Всемирная.

THE PLANNING AND ARCHITECTURE OF WORKERS' SETTLEMENTS NEAR THE LOGGING ENTERPRISES OF THE TIMBER INDUSTRY IN THE 1930s (WITH REFERENCE TO KRASNOKAMSK)

Zykin Ivan V.

PhD. (Engineering), Associate Professor at the Department of socio-economic disciplines,
Institute of Technology,
National Research Nuclear University,
Russia, Verkhoturye, e-mail: zivverh@mail.ru

ABSTRACT

The legacy of many of the Russian towns and workers settlement, including those associated with the timber industry, presents an innovation in population resettlement and industrial and civil construction realized in the 1930s. The main tendencies in the formation of the settlement network in the timber industry are identified. The features and qualities of urban and rural settlement construction attached to the enterprises of the timber industry are compared. The town of Krasnokamsk in Perm Region is used as an example to consider the design and development of settlements in the context of the «Socialist town» policy and industrial construction. The conclusions suggest that there were substantial faults in settlement planning and difficulties in the implementation of these plans due to chaotic development conducted by various business entities in their own interests.

KEYWORDS:

timber industry, modernization, housing problem, Socialist town, workers settlement, Krasnokamsk

References:

1. Berdinskikh, V. A. (2001) History of one camp (Vyatlag). Moscow: Agraffe. (in Russian)
2. Berdinskikh V. A., Berdinskikh, I.V. and Veremyev, V.I. (2015) The system of special settlements in the Soviet Union in the 1930–1950s. Syktyvkar: IYaLI Komi NC URO RAN. (in Russian)
3. Berdinskikh, I.V. (2007) The formation of the infrastructure in the system of special settlements in the USSR in the 1931-1940s. PhD diss. (History). The Vyatka State Humanities University. Kirov.
4. Vavulinskaya, L. I. (2017) Social and economic development of a provincial town in the 1920–60s (a case study of Kondopoga, the Republic of Karelia). In: Maslova, I.V., Krapotkina, I.E. and Burdina, G.V. (eds.) Russian province as a sociocultural field of formation of the civil and national identity. Proceedings of the VIII International Stakheev Readings, Yelabuga, 16-17 November 2017. Yelabuga, pp. 40–44. (in Russian)
5. Viola, L. (2010) The Peasants' GULAG: the World of Stalin's Special Settlements. Translated from English by E.Osokina. Moscow: ROSSPEN; «Presidential Center of B.N. Yeltsin» Fund. (in Russian)
6. Gaisin, O.D. (2013) The experience of designing the Socialist town of Krasnokamsk in 1930–1950s. Krasnokamsk: integration into the future. Proceedings of the conference «Architectural heritage of Socialist towns: a burden of the past or a resource for development?» (November 27–28, 2013). Perm: Liter-A, pp. 102–123. (in Russian)
7. Zykin, I. V. (2015) «Green gold» of industrialization. The timber industry of the Ural region at the end of 1929 – the first half of 1941. Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute (branch) of the Russian State Vocational Pedagogical University. Nizhny Tagil. (in Russian)

8. Zykin, I.V. (2013) The location, planning and building of special settlements at the enterprises of the timber industry in the Ural region. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, No. 3 (43). Dated of access: http://archvuz.ru/en/2013_3/14 . (in Russian)
9. Zykin, I.V. (2013) Formation of the residential and householding infrastructure in the workers settlements at the enterprises of the timber industry in the Ural region in the 1930s. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, No. 4 (44). Date accessed: http://archvuz.ru/en/2013_4/15 .
10. Ignatova, N.M. (2001) Special settlers in the 1930–50s: A case study of the Komi ASSR. PhD diss. (History). Syktyvkar. (in Russian)
11. Kilin, Yu. M. (2012) The frontier periphery of the great power: Soviet Karelia in 1923–1938. Electronic data. Petrozavodsk: Petozavodsk State University. (in Russian)
12. Kirillov, V.M. (2017) Formation of the «Socialist town» concept and the identity of its constructors (a case study of Nizhny Tagil in the 1920–1930s). In: Masur, L.N. (ed.) *Era of socialist reconstruction: ideas, myths and programs of social transformations..* Ministry of Science and Education of the Russian Federation, Ural Federal University. Yekaterinburg: Ural University publishing, pp. 354–363. (in Russian)
13. Komi-Permyak District: 20th century. Perm: ООО «Research and Publishing Firm 'Gort'», 2001. (in Russian)
14. Masur, L.N. (2002) The Exile Province: the formation and development of a system of settlements in the Urals in the 1930–1950s. In: *Document. Archive. History. Present.* Yekaterinburg: Ural State University publishing, pp. 176–208. (in Russian)
15. Masur L.N. (2006) Rural resettlements in the Middle Urals in the 20th century: directions and varieties of transformation of the settlement network. Doctor of History diss. Yekaterinburg. (in Russian)
16. Meerovich, M.G. (2008) Punishment by housing: the housing policy in the USSR as a means of controlling people (1917–1937). Moscow: ROSSPEN; The Foundation of the First President of Russia B.N. Yeltsin, 2008. (in Russian)
17. Meerovich, M.G. (2014) Regional planning in the context of the industrialization program: the first half of the 1930s - the initial stage of work on industrial zoning and resettlement. *Bulletin of Perm University. History.* Issue 2 (25), pp. 101–122. (in Russian)
18. Novolodskaya, M. S. (2009) Provision of Chelutayevsky LPH employees with housing in the 1930s. In: *Siberia and Russia: development, progress, prospects: Proceedings of the All-Russian research to practice conference dedicated to the 70 anniversary of the History Department at the Buryat State Agricultural Academy.* Ulan-Ude: BGSMA publishing, pp. 32–34. (in Russian)
19. Obukhov, L.A. (2013) First builders of Socialist towns. In: «Krasnokamsk: integration into the future». *Proceedings of the conference «Architectural heritage of Socialist towns: a burden of the past or a resource for development?»* (November 27–28, 2013). Perm: Liter-A, pp. 36–49. (in Russian)
20. Ostaltsev, K.A. (2013) Krasnovishersk: a camp city and garden city. Projects and reality. In: «Krasnokamsk: integration into the future». *Proceedings of the conference «Architectural heritage of Socialist towns: a burden of the past or a resource for development?»* (November 27–28, 2013). Perm: Liter-A, pp. 49–56. (in Russian)
21. Pazhit, Yu.Yu. (2002) The Northern Urals Camp of the USSR NKVD during the Great Patriotic War. *VoenKom: Voyenny Kommentator*, No. 2 (4), pp. 31–43. (in Russian)
22. Turubanov, A.N. (2012) The construction industry of the Komi Republic in the 20th century. Syktyvkar: KRAGSIU. (in Russian)
23. Filimonchik, S.N. (2018) Kondopoga in the 1930s: the birth of the cit. *Scientific proceedings of Petrozavodsk State University*, No. 7 (176), pp. 80–90. (in Russian)